

князя, беззаветно преданного своему старшему брату-правителю, ради защиты его чести идущего „не сумняся мужествене... братися со змием“. Этот образ возвращает Русь XV в. к княжеским взаимоотношениям времени создания „Сказания о Борисе и Глебе“. И в то же время образ брата Петра, князя Павла, этого „самодержца“, правящего княжеством единолично, так что за его фигурой не видно ни бояр, ни дружины, — это отражение совершенно иных представлений, новых взглядов на природу княжеской власти, характерных для второй половины XV в.

Во второй части повести творческая работа автора проявилась значительно ярче. Крайне характерно, прежде всего, то, что автор повести широко использовал основную идею сказки, удержанную также и легендой, идею сугубо демократическую, ценности в человеке прежде всего его интеллектуальных и моральных свойств, не взирая на социальное или имущественное положение его, идею о примате разума в жизни человеческого общества. Эта идея прочно сохранялась во всех вариантах сказки (хотя в поздних перифразах сказка приобретала гротесковый характер) и легенды о мудрой деве. Очевидно именно она в народном сознании была основой их. Автор повести очень близко подошел к подлинному пониманию своих народно-поэтических источников, пониманию русской народной мудрости. Народная идея о высоких достоинствах человека, обладающего мудростью, более всего способствовала воплощению творческих замыслов автора повести. Она помогла ему нарисовать идеальные образы героев: мудрой княгини и мягкого, поддающегося ее влиянию князя. Благодаря ей автор смог дать повествование в замечательно мягкой тональности: окружить женщину глубоким уважением и мужа, и приближенных и даже враждебно настроенных бояр, показать торжество разума в жизни, установление на его основе идеальных взаимоотношений между князем и подданными и пр. Весь идеальный мир прошлого, который грезился автору, направляется этой основной идеей.

Но, наряду с этим, автор изменяет и пополняет сказочную схему народной легенды в угоду своему замыслу и волнующим его идеям, черпая материал из местного быта, фольклора, исторических преданий и пр.

Вторая часть повести начинается с рассказа о том, как покрытый язвами и стовпами князь посылает „синьклит свой искать врачей“, и один из приближенных князя находит бедную крестьянскую девушку, которая и исцеляет князя. Так в традиционную сказочную схему (875) вторгаются, видоизменяя и ломая ее, несвойственные ей черты. Вместо одного из испытаний мудрости, обычного в сказке типа 875, Феврония должна исцелить князя Петра. Эпизод исцеления князя оказался весьма благодарным для раскрытия образов князя и мудрой девы в совершенно ином, не сказочном понимании их. Он положил начало романическому элементу повести, ее любовной интриге. Сказочно-легендарный сюжет превратился во второй части повести в трогательный рассказ о любви князя Петра и крестьянской девушки, любви, встречающей различные препятствия вследствие социального неравенства героев. Все последующие эпизоды легенды